

АЛЕКСАНДР КНАЙФЕЛЬ:

Культура — 2005. — 6-12 окт. — с. 16

Человек по своей природе — авангарден

В июне этого года в знаменитом амстердамском Концертгебау с триумфом прозвучала "Литания" Александра КНАЙФЕЛЯ. Когда угас последний звук и дирижер Филармонического оркестра Нидерландов Рейнберт де Лео опустил палочку, зал погрузился в тишину, словно прославляющую композицию на несколько мгновений, а затем взорвался аплодисментами, стоя приветствуя автора и исполнителей. Премьеры сочинений Кнайфеля исполняются в лучших концертных залах Европы и Америки, на престижных музыкальных фестивалях, выходят на компакт-дисках ведущих звукозаписывающих компаний, звучат в эфире по всему миру. Когда-то, в начале 60-х, осознав, что его путь — композиция, перспективный студент-виолончелист ушел от мастера — Мстислава Ростроповича. В то время в правильность этого пути мало кто верил. А сегодня Александр Аронович — автор более 100 композиций во всех областях музыкального творчества. Им написана музыка более чем к 40 фильмам. Так же как Губайдулину, Денисову, Шнитке, Кнайфеля причисляют к русским модернистам. Сам же он не видит себя в этом ряду — настолько условным и ненужным считает композитор попытку критиков классифицировать музыку.

— Александр Аронович, много ли шансов у музыки быть понятой? Через эпохи, через разницу культур?

— Тигран Мансурян, один из лучших армянских композиторов, чей музыкальный язык называли советским авангардом, рассказывал мне, как его родственники, жившие в каком-то селе, приехали на его симфонический концерт. Они до этого никогда не были в филармонии, никогда не видели симфонического оркестра... Слушали сначала настороженно, потом начали улыбаться, и, наконец: "О, это он! Это он!" Узнали его, через эту простую музыку! Развитие музыкального языка и вообще языка — вопрос ошеломляющей тайны, Божьего промысла. Ведь как родителей не выбирают, так не выбирают и язык, а он незаметно и непрерывно меняется.

— Тогда, как вы думаете, Россини понял бы Шостаковича?

— На этот вопрос никто вам ответа не даст. Очень часто вещи, рождению которых мы являемся свидетелями, мы можем недооценить, недопонять — мы можем ведь не понимать друг друга и в простом диалоге: вроде бы понимаем, а на самом деле — нет. Так что это еще и вопрос внимания. Ну, конечно, и культуры, и образования — миллион всяких "но". Но каким-то образом люди начинают воспринимать — по-разному подготавливаясь, с разными проблемами, в разном состоянии... Я верю в это. Россини мог бы понять или не понять Шостаковича с той же вероятностью, что и своего современника.

— И вы верите, что совершенно разные люди начинают ощущать одно и то же...

— Несомненно! Я не мог не задаваться этим вопросом. Но! Я знаю (мой опыт мне это подсказывает) — я верю, что люди, абсолютно далекие от музыки, чуют — хотя бы не хотят. Знаете, был случай, потрясший меня. Одна молодая девушка, дочь очень богатого промышленника, далекая от музыки, была серьезно больна психикой. Отец возил ее по всему миру — никто не мог ей помочь. К ней случайно попала запись (тут не вопрос скромности-нескромности) моего "Agnus Dei" — совершенно пограничная вещь, ставящая проблему бытия или небытия: это как приглашение на казнь, вещь, которую выдержать... во всяком случае, два раза — невозможно. Она ее слушала непрерывно, сутками — и через два месяца излечилась. Это конкретный факт. Дело ведь не в количестве, дело в единичных опытах наших встреч, таких пересечений. Или совсем недавний опыт: мой квартал, серьезную, в общем, музыку, в основе имеющую потчевский "Осенний вечер", никаким образом не "популярную" — использовала фирма "Volvo" в своей рекламе. Или история с Дэвидом Бирном, кулиром 70-х годов, рокером — казалась бы, никаких пересечений; его агент разыскал меня в 1995 году по поводу "Айнань". Что это такое — сквозь какие-то стили, сквозь разные ментальности, поколения, национальности, время... все это как-то реально упраздняется — только диву даешься.

— "Айнань", написанную к фильму "След росахи", говорят, жите-

ли Чукотки восприняли как народную...

— Писал я ее просто по наитию. Не будучи знаком ни с каким этническим материалом. Условием была полная свобода.

— И ее записывал камерный хор. Объясните мне, я хочу понять, какими буквами вы объясняли исполнителям, какой звук они должны издать? У вас ведь там есть фонемы, которые не имеют графического обозначения...

— Конечно. Например, когда мужской хор взрывчато произносит Э-А-О-У-Ы-И, А-Е-У-Э и т.д., все это написано в последовательности, которую выполнить невозможно, или когда голосом изображается какой-то ритм: Ц-Ц-Ц-Ц или Ч-Ч-Ч-Ч, или в партитуре обозначено ЦК-ЦК-ЦК, а потом ЧК-ЧК — они как увидели, помертвели, побледили и говорят: "А нельзя это вымарать, или закрасить, или заклеймить, а то ведь нам еще работать...?" Вот до таких смешных курьезов доходило. Есть такое вероятностное поле — я этим жив. Для меня ключевым в жизни является некоторая догадка. Вот догадаться, вникаться, расслышать, предположить. Когда заключают договор и говорят: "Тогда-то запись, тогда — то-то, тогда-то-то", у меня по сей день страх послышнее школьного. Потому что: ну как?! Это же чудо, к которому невозможно привыкнуть. Его же нет, а вы расстраиваетесь так, как будто бы оно есть! Оно не родилось!

— А вы сомневаетесь в том, что оно родится?

— Это все равно что говорить про человека, который еще не зачат! Это страшно! Мой друг Валентин Сильвестров просто и замечательно сформулировал проблему в двух словах: "Ведь сколько надо потратить сил, чтобы найти одну-единственную верную ноту! И это еще не все, надо найти вторую! И тут возникает совершенно неразрешимый вопрос: а где ее взять?" — детский такой вопрос, но это и есть страх Божий.

— То есть вы себя ощущаете не родителем, а неким проводником, а пропустят это через вас или не пропустят...

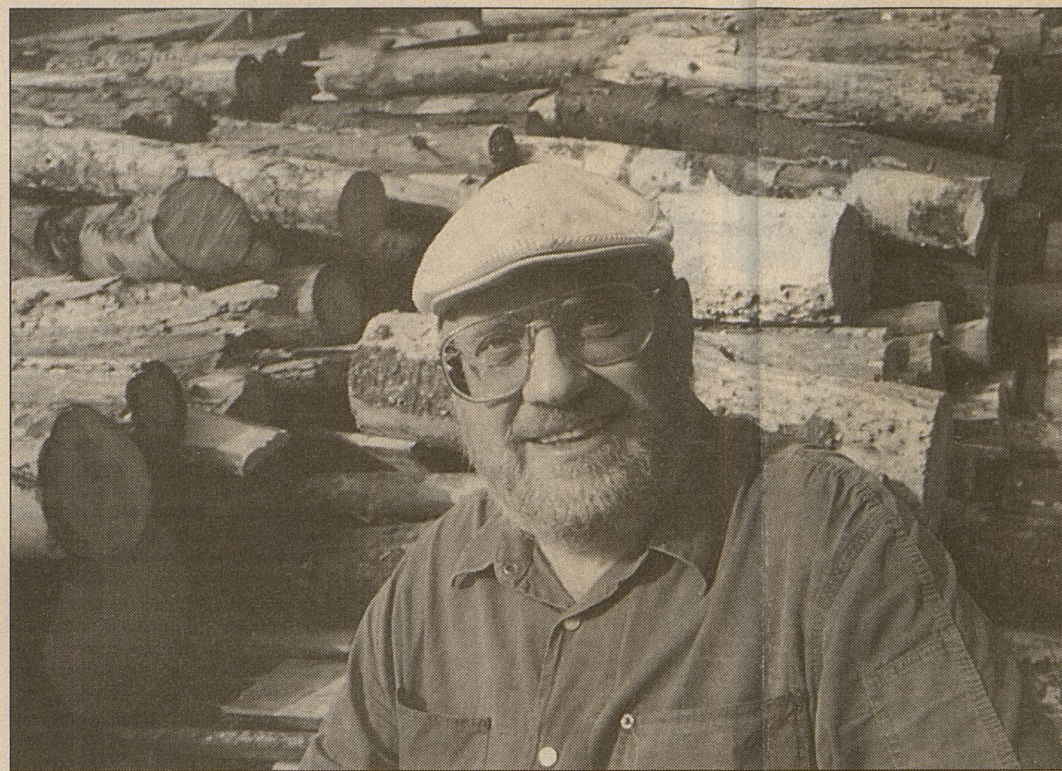
— Конечно! Мне по сей день ужасно смешно, когда кто-то про себя говорит: "Я вот написал, я сочинил, я — автор того-то..."

— А вы как говорите — у меня родилось?

— Не знаю. Совершенно очевидно, что во всех смыслах Автор только один. Если удается что-то расслышать, записать, то можно сказать: ну, молодец, вроде ничего — услышал и записал, вроде без помех...

— Каким образом много лет спустя музыка "Айнань" вошла в спектакль "Старик и море", премьера которого состоялась в конце прошлого сезона на Малой сцене БДТ?

— В драматическом театре своя специфика. Я в ней ничего не понимал. И первый раз это был "Борис Годунов", когда Илья Канчели сказал постановщикам спектакля: "Я вам, конечно, напишу музыку, но если вы не возьмете у Кнайфеля "Свете Тихий", у вас спектакля, такого, как вы хотите, не будет!" И действительно, постановщики взяли фрагмент "Свете Тихий", и там эта небесная составляющая всех потянула... И вся труппа после пре-

А. Кнайфель

мьеры преподнесла мне афишу, где каждый написал слова, которые до сих пор волнуют. И Иванченко написал. Я его тогда в "Борисе" для себя впервые и открыл. Потом видел в других спектаклях. И вот мы как-то притянулись внутренне. Он мне поведал, что не устаю пребывать в изумлении перед этой вещью — "Старик и море". Но не может подойти к постановке, потому что не хватает музыкальной составляющей. Я еще раз перечел этот рассказ, и стало совершенно ясно, что музыка давно написана: вот она! Дал ему кассету, но он как-то так — принял к сведению. И вдруг, месяца через три, позвонил: "Боже мой! Это же целая вселенная на меня обрушилась, я тогда вначале ничего не понял!" И Иванченко стремительнейшим образом сделал этот спектакль. Получилось, по-моему, потрясающе! Мне кажется, надо бы сделать телевизионную версию: на мой взгляд, это — невероятно духовно драгоценный спектакль.

— Каким был ваш путь к православию?

— Всею должно настать свое время. Я через всю жизнь очень хорошо чувствую эту правду. Мой крестный, замечательный поэт Сергей Вакуленко, который был моим духовным учителем, это понимал, он видел путь, по которому я иду. И в силу своей целомудренности, духовности, невероятной интуиции и опыта не мог даже подтолкнуть меня — должна была созреть ситуация. Когда, "подбираясь", я через свое сочинение мог задать ему вопрос — например, когда я писал "Символ веры" (еще не будучи крещеным), то пытался свериться — по каким-то вещам, по этим безднам, ошеломляющим глубинам, которые открываются в священном тексте и в молитвах, когда, осваивая их, звонил ему: "Вочеловечася" — это и есть крест?" — он понимал, что я нахожусь в совсем другой, уже духовной ситуации. Меня вела всю жизнь музыка и продолжала вести. Даже не музыка, а мое житие в музыке. То есть, осваивая через нее мир, я приобретаю, мне открывается. Никаким другим способом я бы открыть не смог. Это совершенно ясно. Получается, что процесс рождения и освоения материала является житиетворным. И мы творим по подобию Господа. Можно быть служителем веры и не быть служителем жизни. А можно быть не служителем веры, но служителем жизни. Важно везде обнаружение живой жизни — в любом виде, то, что называют дерзновением. И тогда получается, что самые дерзновенные, а в переводе на мирской язык, "кошунственные" иногда вещи — оправданы, потому что необходимо вернуться к изначальному своему сиянию. А благочестивость, если она не живая...

— Сергей Вакуленко сказал о вас: "По внутреннему состоянию Кнайфель не находится здесь. Как

будто бы его спустили из другого мира. Даже с полной иллюзией невидимости для других. Он принципиально и абсолютно чужд всему, что происходит вокруг? Он же говорит, что если творчество Губайдулиной, например, зависит от происходящего вокруг нее, то вы — как могучий дуб, на который не влияет никакая погода..."

— То, что он сказал, с одной стороны, безусловно, так — у меня есть гостевое ощущение — и в этом мире, и в этой цивилизации. По родовому призыву, по начальному ощущению вхождения в мир — невероятная... не то что сиротливость, а ощущение, что ты — гость, ты — один и жадно хватаешься за все, за что только можно ухватиться и найти себе подобного... Но есть разные формы творческого существования. Естественно, я вживался в те эпохи, через которые пролегал мой творческий опыт. Древнегреческая цивилизация, Возрождение, эпоха Петраграда, эпоха Второй мировой войны... Я жил этим. Я, извините, принимал непосредственное участие в путче 1991 года. Путч был 19 августа, а 20-го по "Пятому каналу" Собчак разрешил премьеру фильма Снежкина "Невозвращенец": на экране шли по Красной площади гипотетические танки, снятые за два года до этого. И звучала моя "Поканая молитва". А рядом шли документальные танки. Наряду с колоколом, хором и скрипочкой на похоронах трех жертв путча звучал и этот голос...

— Ваша "Алиса в Стране Чудес" — "для театра играющих, поющих и танцующих", написанная по заказу Королевского оперного театра Нидерландов, была поставлена Пьером Дидо. Что это за жанр, и почему вы назвали это произведение "музыкальной грядущих поколений"?

— Нет, я не так сказал. Я говорил о форме бытования — нащупанной и предложенной мной в этой вещи. Существуют ведь определенные исполнительские институты — театр, опера, балет, кинематограф, телепроизводство — устоявшиеся, работающие организмы, которые занимаются расчитанной на них продукцией. На сегодняшний день нет института для вот этой моей "продукции". Он может образоваться в будущем. Может быть, не точно в таком виде, как я предлагаю. Но гипотетически он не может не образоваться, потому что мы видим сегодня слияние многих форм коммуникации. Я по-своейски задавал вопросы молодым ребятам 12–13–14 лет и получал ответы, из которых понимал, что им это в самую пору. У них нет проблем, которые могут возникнуть у взрослых людей, занимающихся серьезно каким-то видом производства. В этой форме бытования есть востребованность, чисто органическая, как будто бы вне времени... Это органическое преодоление инерции... Существуют такие

расхожие стереотипы: "Человек опережает время, видит будущее и т.д." Действительно, существуют вещи, которые рождаются, в каком-то смысле не ориентируясь на целый ряд условий. Меня всю жизнь хотят захватить на какую-нибудь полочку, а полочки на самом деле-то нет. Как замечательно написал мне Вал Сильвестров на своих "Тихих песнях": "Ты поверил в них, и, возможно, они займут место в мире, в котором все места уже заняты". Кстати, был один замечательный случай с Ростроповичем. Мы встретились, когда он только начинал наезжать в Петербург, о чем-то говорили, я его, кажется, знакомил с какой-то новой вещью, и он меня спросил, условно говоря: а что ты такое? И я ему сказал, что сам не знаю, но Господь уготовил мне вот такую странную нишу — я сам по себе. Потом мы еще о чем-то поговорили, попрощались, я был уже в конце коридора, когда он стал делать мне знак, чтоб я вернулся; я подошел и услышал тихое: "Не вылезай из ниши!"

— У вас возникают ощущения от встречи с другими жанрами, что — вот это человек из моей ниши. Кто Кнайфель в живописи или кто Кнайфель в театре?

— В свое время на Западе часто сравнивали мою музыку с фильмами Тарковского. Я думаю, этому есть основания, но у него часто не хватает нужного мне света. То ткани, по какому-то взгляду — пожалуй, это явление близкое, хотя можно было бы назвать и Феллини, а сейчас и Чаплина — по ориентировке, конечно. Боюсь вам говорить, потому что в напечатанном виде это может быть истолковано искаженно. Но у меня есть критерии, согласно которым некоторые художники для меня — как близкие друзья.

В живописи это Рублев — ну, что мне делать? Все молятся на "Троицу", а для меня это — близкого друга конкретная вещь. Мне нет дела до того, знаменита ли она, велика ли. То же самое Пушкин — в слове: ближе человека для меня в русском искусстве нет. Я всю жизнь не понимал, как можно коснуться его музыкой, если это уже — сама музыка.

— Вы не назвали почти никого из современников.

— Они и есть мои современники! Они — мои. Я не чувствую разницы, для меня не существует времени. Это — мое alter ego! В балете это — Баланчин. В музыке — Глинка, Стравинский... Не то, что мне нравится или перед чем я преклоняюсь... Как-то я участвовал в телевизионной передаче в годовщину Пушкина. Ведущая начала примерно так: "Сегодня — шестое июня, день рождения Пушкина. К сожалению, солнце русской поэзии закатилось, но (указывая на меня) — солнце русской музыки выкатилось!" — в таком духе. Секундный шок. Меня прорвало: "Оставьте солнце в покое! Перестаньте его катать во все стороны! Вся эта заштанцованность." Пуш-

кин — гений — запечатано напрочь — не то что асфальтом, бетоном залито! Это же живое явление, нежнейший цветок, вот он, рядом с вами, ваш не то что современник, ваш близкий человек — вот он, с нами сидит! А вы о нем: "солнце" и так далее". Тот же Сильвестров, когда я приехал в Киев, сказал: "Ты не поверишь!" И повел меня посмотреть на какое-то здание, там написано примерно: "Здесь знаменитый композитор Лысенко встречался с великим Чайковским". Выдающийся с великим, великий с гениальным, видный со значительным — распределено... А ведь он — живой, с вами говорит живым языком, и его существование — это факт вашей личной биографии. Ваш близкий друг.

— В качестве "полочки", на которую вас пытаются положить, часто используют ярлык "минимализма". Вы понимаете, что это такое? Имеет ли это отношение к вам?

— Тут естественнее говорить о "максимализме", если бы он существовал. "Побочным эффектом" упоминаемого "минимализма" часто является некоторая разреженность музыкальной ткани. Но тут нельзя путать. Ну мало звуков — и что? Ведь беззвучные пролезают внутри вещей, в которых не звуковые гродзды, а много тишины, много пауз и т.д. Один слышит мир насыщенным и ассоциативно перегруженным, а для меня это очень тяжело. Это проблема языка — вопрос очень интересный, но не нашего ума дело. Очень интересно, почему во всем мире нарастает необходимость вернуться к этой нулевой отметке.

— Вас называли также "неукротимым авангардистом"...

— Совсем недавно я был в Аничковом дворце, в студии юных дизайнеров; когда туда зашел — пронзительное потрясение, как встреча с выставкой Марка Шагала или с другими самыми высокими образцами; я просто не выдержал, сначала зажмурился, а потом отступил, на меня обрушился такой нестерпимый свет, чистота и мощь! Все стены были завешаны работами ребят в разной технике. Если все эти вещи взять и издать альбомом — то просто мировые шедевры! Клянусь! Я не преувеличиваю! Это все — авангардизм: человек по своей природе авангарден, при своем рождении, потому что у него есть свое лицо, своя физиономия, он неповторим! У него есть талант, все у него есть! Потом, волею судьбы, происходят потери. У кого-то больше, у кого-то меньше. Но! Мы рождены в этом раю и туда же устремлены, и это и есть авангард, то есть каждый раз — как первый раз! И чувство свободы, и право быть собой — истонное, вложенное в меня при рождении право! И тем я интересен для другого, а другой интересен для меня.

— В ваших композициях можно услышать звуки, которые трудно идентифицировать. Откуда вы их берете и как материализуете?

— Часто бывает, что слышу звучание инструмента, которого нет или который существует, но у него нет таких возможностей. Я пишу для этого инструмента музыку, как будто бы это было возможно; и потом оказывается, что инструмент уже где-то существует в единичном экземпляре, или только разработан... И вот такие дерзновения пьянят озоном...

— Вы написали ряд композиций для голоса Татьяны Мелентьевой, вашей супруги...

— Действительно, Господь послал. Голос — оторопь берет... Проходит через нее — даже, может быть, ее личной заслугой в этом нет, и она смиренно принимает это — ангельский свет проходит, и никуда не деться. Так же как и Ростропович — его пронзающее пианиссимо, вибрато... Музыкальное много, инструментальное очень много замечательных — а вот такого — нет. Потому что проходит через сердце такая степень немислимой любви, заложенной в каждом из нас! Иногда Таня зайдет в храм, пропоет несколько звуков — и все: "Ах!" — небесный свет. Наше соединение произошло благодаря радио. Я жил тогда в коммуналке, был включен старый репродуктор, я зашел со сковородкой, на которой что-то шипело; и вдруг пе-

ние... Мы со сковородкой чуть не упали...

— В последнее время улавливаете ли вы что-то новое в композиции и восприятии?

— Я говорил об этом уже лет 10 назад, но не думаю, что это потеряло актуальность. В 60 — 70-х и отчасти в 80-х годах создавались вещи, которые были по сути своей не духовные, то есть созданные не по любви, а по знанию, по своеволию, по интересу личному. Ссылаясь опять на Сильвестрова, поскольку он мне самый духовно близкий человек; однажды по поводу одной из таких вещей он сказал: "Но это же драма и трагедия ошей на огороде! Брюква против капусты, а огурец против морковки, вот они выясняют..." Это настолько точно! В "Пиквикском клубе" есть такой образ: человек садится в коляску, а лошадей худая, еле стоит на ногах — ну что делать, долго буду ехать... И вдруг они как понеслись — "Что это такое?" — спрашивает: "Лошаденка, действительно, худая, но колеса очень хорошие, только успевай от них улететь!" И вот ощущение, что нарабаталась какая-то такая ситуация, понеслась, едва успевали улететь. Технологии стали нарастать, а забыли совсем — кому? для чего? А сейчас можно немножечко оглянуться, какая-то востребованность диалога возникла — я это воспринимаю как благоприятную ситуацию. Но очень тяжело переживаю — отсутствие света...

Есть хороший анекдот: сидит медведь — вздыхает, его кусает комар; медведь хватается его и спрашивает трагически: "Как тебя зовут?" Тот: "Гоша!" Медведь от души придавливая его со словами: "Ху-у-удо мне Гоша!" Вот так размял, размазал его... Но мир же не такой! И вот это существование на оскопках каких-то смыслов, частных случаев, какой-то искаженный мир и люди... А посмотрите открытым взглядом, глазами действительности, почитай Библию — веришь ты или не веришь... Посмотри — мир пронзительно светится! И оттого, что ты скажешь: "Ху-у-удо" — этот свет откуда не девается. Очень переживаю раскручивание идолов — нет настоящих ориентиров. Не сейчас искусство родилось — не сравнивайте вы N с M — посмотрите, что А делал! Посмотрите, взгляните на несколько букв туда и сюда — и вы увидите А!

— Александр Аронович, премьеры ваших произведений звучат в Лондоне, Париже, Нью-Йорке, Франкфурте, Зальцбурге... Вы были первым из российских музыкантов, удостоенных международной премии DAAD, и год прожили в Берлине. Не возникает ли соблазн поселиться в обустроенной Европе?

— Россия — это не географическое понятие, это просто мой дом. Когда Баланчина спросили, кем он себя чувствует, он замечательно отчеканил: "По крови я — грузин, по воспитанию и образованию я — русский, а по национальности — петербуржец!" Я могу подписаться под этими словами, только вместо грузина написать "еврей", а все остальное будет то же самое. Так же как вопрос языка, это — Божий промысел. Знаете, в 20-х годах минувшего века мой дед откупил часть квартиры у княгини Натальи Сергеевны Волконской. И там, на Рубинштейна, 5, я жил до 25 лет. Потом мы переехали, я, иногда проходил мимо дома, видел, что в помещениях идут евроремонты... А однажды, не знаю почему, вдруг поднялся в нашу бывшую коммуналку, оказалось, там живет процветающий ливанский бизнесмен. Очень любит Россию и, в отличие от других обитателей дома, сделал не евроремонт, а любовную реставрацию этой дивной квартиры с каминными. Мы с ним подружился, по его приглашению проходим в этом доме музыкальные вечера "У каминна". Так вот, знаете, как состоялось наше знакомство? Я позвонил в дверь, он открыл. Посмотрел и сказал — такая была интонация, как будто даже не он сказал, а озвучил истину, которая и для него является изумлением: "Здесь твой дом!"

Беседу вел
Светлана ПОЛЯКОВА
Фото Татьяны МЕЛЕНТЬЕВОЙ